

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ *

Статья посвящена анализу взаимоотношения между политическими ценностями и в первую очередь месту и значению ценности безопасности. Рассматриваются смыслы понятий безопасности и порядка, основания для их значимости в политической культуре. Анализируется аксиологическая значимость безопасности в рамках разных идеологий, а также исторические тенденции ее изменения, перспективы ее актуализации в текущем веке.

Ключевые слова: безопасность, порядок, политические ценности, политическая культура.

Под политическими ценностями в данной статье будем понимать те идеалы, исходя из которых общество формулирует цели своего развития. Иначе говоря, это положительно оцениваемые характеристики какого-либо социального режима, а также достоинства, апеллируя к которым, сторонники доказывают его превосходство над другими формами социального устройства. Разные идеологии имеют разный набор и иерархию политических ценностей. Тем не менее можно говорить о некоторых более-менее универсальных или, по крайней мере, наиболее популярных политических ценностях.

Идеологии современности – либерализм, социализм и консерватизм – доказывают превосходство соответствующих режимов через указание на то, что именно эти режимы в наибольшей мере обладают некоторыми основными достоинствами. Имеется в виду максимальная реализация таких политических ценностей, как свобода, социальная справедливость, социальная солидарность, материальное благосостояние и безопасность. Иногда сторонники какого-либо политического движения делают это в лозунговом виде с целью наиболее успешной саморекламы. В качестве примера можно привести лозунг Французской революции – «Свобода, равенство, братство», в котором в явной форме выражены претензии на удовлетворение потребностей населения в реализации соответствующих политических ценностей.

«Равенство» в данном случае – это более конкретное выражение ценности социальной справедливости, а «братство» – обозначение ценности социальной солидарности. Нужно отметить, что в разных идеологиях эти ценности получают разную интерпретацию. Так, для наследников французских революционеров – либералов и социалистов – справедливость выражается в равенстве, хотя само равенство понимается по-разному. Для консерваторов же справедливость, напротив, выражается в неравенстве.

По мнению Г. Гегеля, суть истории заключается в саморазвитии объективного духа, содержанием которого являются социальные дефиниции. Как и субъективные идеалисты (социальные феноменологи и т. п.), Гегель предполагал, что они производят различные формы социального взаимодействия, но сами формируются и изменяются не произвольно, а неким объективным, закономерным образом. Из всех социальных дефиниций важнейшим является понятие свободы. Именно прогресс в понимании свободы задает общее направление истории и дает критерий для выделения универсальных стадий.

Исторический материализм не столько опровергает, сколько дополняет концепцию Гегеля: также признается существование универсальных стадий исторического развития, при переходе с одной стадии на другую меняется если не перечень основных

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 07-06-00184а).

политических ценностей, то их интерпретация. Но закономерность смены этих стадий связана с закономерностями технико-экономического и, шире, социально-экономического прогресса, а не с закономерностями саморазвития философии, тем более не с каким-то мистическим саморазвитием логических понятий. Общественное сознание зависит от общественного бытия, так что смена универсальных стадий социально-экономического развития определяет смену целей, которые ставит перед собой общество. Все это выражается в обогащении понимания свободы. То же самое относится и к другим политическим ценностям, которыми пренебрег Гегель.

Итак, какие бы причины ни вызвали изменение содержания такого рода социальных дефиниций, которые мы обозначили как политические ценности, общее направление их развития связано с движением от чувственно-конкретного к мысленно-абстрактному. Так, в Древней Греции впервые в традиции западной философии началось осмысление понятия свободы, которое понималось изначально весьма конкретно: если человек не раб, то он свободен (хотя в Поздней Античности, например у Эпиктета, появляется представление о внутренней свободе, не связанной с юридическим положением индивида). В дальнейшем в истории по мере усложнения форм социального взаимодействия происходит обогащение этого понятия: как противоположность рабству появляется представление о множестве свобод, которыми может обладать человек. Вместе с этим развивается и абстрактное понимание: свобода как абстрактная категория, вмещающая в себя совокупность различных конкретных пониманий, но не сводящаяся к ней.

То же самое происходит и с другими политическими ценностями, в том числе и с безопасностью. Изначально под безопасностью понималась возможность избежать физического ущерба жизни и здоровью человека, т. е. конкретная форма безопасности – физическая безопасность. С развитием общества понятие дополнялось новыми смыслами. Правда, хотя та политическая ценность, которую мы выражаем через слово «безопасность», развивалась и обогащалась не в меньшей степени, чем другие политические ценности, в отличие от слова «свобода», в обыденном языке слово «безопасность» сохранило относительно узкое

значение. Это связано с тем, что существует близкое по смыслу слово «порядок», отчасти дублирующее, отчасти дополняющее понятие безопасности. Формально некоторые смыслы, заключающие в себе данную политическую ценность, выражаются обычно не через понятие «безопасность», а через понятие «порядок». По сути, это дублирующие понятия, относящиеся к одной и той же ценности, но слово «порядок» в большей степени отсылает к смыслам стабильности, надежности. Таким образом, «порядок» и «безопасность» – два слова, выражающие одну политическую ценность, и можно сделать вывод, что понятие безопасности получило не меньшее развитие, чем понятие свободы. Вместе с движением социальной жизни от относительно простых форм к более сложным происходило движение мысли (общественного сознания) от чувственно-конкретного понимания безопасности к мысленно-абстрактному.

Представление о наличии в истории прогресса – линейного движения от простых к более сложным формам общественного устройства – означает признание существования универсальных стадий общественного развития. Однако исторические данные свидетельствуют о том, что для каждой стадии технико-экономического развития характерны разные типы социального устройства. Однолинейная модель исторического развития в таком случае является упрощением, полезным с точки зрения выделения универсальных закономерностей, но не позволяющим обнаружить многие существенные характеристики различных общественных систем. Более реалистичной является многолинейная модель исторического развития, предполагающая признание некоторых универсальных тенденций развития в сочетании с вариативностью путей прогресса. В качестве примера можно привести модель Н. С. Розова, в которой выделяются универсальные фазы развития, предполагающие несколько вариантов жизнеспособных социальных режимов [Розов, 1999].

Борьба идеологий по большей части связана с попыткой реализации одного определенного варианта социального устройства из нескольких возможных на данной стадии. Приверженцы каждой из идеологий доказывают, что на текущей стадии технико-экономического развития может существовать и обеспечивать максимальное удовле-

творение общественных потребностей соответствующий социальный режим.

Идеологии различаются между собой по тому, какую роль они отводят тем или иным ценностям, как интерпретируют их содержание и взаимоотношение. Наиболее наглядный пример – взаимоотношение ценностей свободы и равенства. Эти ценности могут восприниматься как гармонически сосуществующие друг с другом, неотделимые друг от друга, по существу тождественные. Но могут восприниматься и как конфликтующие, практически не совместимые друг с другом. При этом требование равенства, допустим, может восприниматься как требование формального юридического равенства перед законом, а может – и как требование имущественного равенства.

Содержание той или иной политической ценности, ее относительное значение по сравнению с другими ценностями варьируется в общественном сознании в зависимости от стадии развития, а также от типа социального режима. В зависимости от уровня развития и типа общества те или иные политические ценности актуализируются в большей или меньшей степени, что сказывается на популярности разных идеологий. Например, на рост популярности в общественном сознании XIX в. идеи равенства повлиял консерватизм.

Для того чтобы выявить относительную значимость ценности безопасности в политической культуре, дадим определение термину «порядок». Под порядком понимается прежде всего безопасность, надежность и стабильность жизни. Но в то же время порядок является синонимом социальному режиму, социально-политическому устройству вообще. Таким образом, в обыденном языке заложено представление о том, что главное достоинство любого социального режима – это порядок в обществе, т. е. безопасность и стабильность жизни.

По всей видимости, эта значимость безопасности в качестве одной из ведущих политических ценностей коренится в особенностях психики человека как биологического существа: стремление к безопасности является инстинктивной потребностью у всех животных. А. Маслоу относит потребность в безопасности к числу базисных потребностей человека вслед за физиологическими [Маслоу, 1999]. Он предполагает, что человеческие потребности можно располо-

жить в иерархическом порядке от низших к высшим, – начиная от физиологических потребностей к потребностям в безопасности, социальном участии, потребности в самоуважении и, наконец, потребности в самоактуализации.

Помимо ценности безопасности на базисные потребности опирается ценность стремления к достойному уровню благосостояния. Политическая ценность социальной солидарности опирается на более высокую потребность, нежели ценность безопасности, а именно потребность в принадлежности к коллективу. Остальные политические ценности – ценности социальной справедливости и свободы – производны от высших потребностей личности в самоуважении и самореализации.

Такая увязка политических ценностей с врожденными потребностями человеческой психики представляется методологически полезной, но, вместе с тем, ограниченной. Это связано с тем, что здесь еще не обнаруживаются причины изменений относительной значимости ценностей в общественном сознании, происходящих в ходе исторического прогресса. Для объяснения исторической динамики иерархии ценностей в политической культуре необходимо учесть еще два момента. Во-первых, стоит вспомнить принцип развертывания потребностей Маслоу: с его точки зрения, актуализация более высокой потребности, как правило, происходит после удовлетворения предыдущих потребностей. Во-вторых, нужно учесть представленное выше понимание исторического развития как последовательной смены прогрессивных стадий технико-экономического развития в сочетании с вариативностью социальных режимов, возможных на каждой стадии. Исходя из сочетания этих двух принципов, легко предположить, что общее направление развития политической культуры может быть схематически изображено как движение в сторону актуализации политических ценностей, от низших к высшим: от ценностей материального благосостояния и безопасности к ценностям социальной солидарности, справедливости и свободы.

Такая гипотеза соответствует историческому оптимизму прогрессистского мировоззрения, в частности предположению К. Маркса о наличии в социальном развитии тенденции к возвышению потребностей. Давайте, однако, посмотрим, соответствует

ли этот исторический оптимизм реальности? Первое затруднение, с которым мы сталкиваемся при попытке ответить на данный вопрос, связано с мнением, что та иерархия ценностей, которую мы извлекаем из сочинений какого-либо философа, не вполне соответствует иерархии ценностей большинства его современников. Возможно, что материальное благополучие и безопасность в качестве политических ценностей незаслуженно получили меньшее внимание философов, чем кажущаяся «более философской» ценность свободы. Учитывая такую философскую «близорукость», будем, тем не менее, исходить из того, что в целом интеллектуалы адекватно отражали «интерес эпохи».

В традиционном обществе безопасность воспринималась как ключевая политическая ценность. Обеспечение общественной безопасности считалось главной функцией государства, выполнение которой давало легитимность власти. Это объясняет, почему население принимало факт резкого неравенства и отсутствия множества свобод: ради сохранения безопасности люди готовы были смириться со многими трудностями. С началом модернизации, особенно в эпоху Просвещения, постепенно актуализируются высшие политические ценности, что демонстрирует лозунг «Свобода, равенство, братство». Процесс деактуализации ценности безопасности происходил медленно, но неуклонно. У Т. Гоббса безопасность все еще находилась на первом месте. Его модель общественного договора предполагала отказ от абсолютной свободы в обмен на постоянную и надежную гарантию безопасности, предоставляемую абсолютистским государством. Даже И. Бентам еще считал ценность безопасности основной политической ценностью и обвинял либералов, делающих акцент на свободе, в прекрасодушной наивности. Тем не менее, общая тенденция развития общественного сознания заключалась именно в снижении относительной значимости ценности безопасности при росте значимости ценностей свободы и справедливости. Это касается не только развития либерального движения с его ориентацией в первую очередь на свободу, но и движения социалистического, приоритетом которого является социальная справедливость. Так, лозунги Октябрьской революции «Власть – народу», «Земля – крестьянам, заводы – рабочим» являются конкретизацией политиче-

ских ценностей свободы и справедливости на данном этапе исторического развития.

Итак, оправдалось ли предположение о возвышении политических ценностей? Осталась ли актуальность ценности безопасности в прошлом? По-видимому, нет: существует прогрессивная последовательность политических ценностей (материальное благополучие, безопасность, социальная солидарность, справедливость, свобода) и происходит последовательная их актуализация и удовлетворение; удовлетворенная потребность перестает быть актуальной, воспринимается массовым сознанием как нечто гарантированно данное, а наиболее актуальной становится более высокая ценность.

Подобному предположению, однако, противоречит ранее установленный факт развития содержания этих политических ценностей за счет их обогащения. Если конкретное содержание такой ценности, как безопасность, обогащается с выходом общества на очередную ступень развития, то представляется сомнительной возможность окончательного удовлетворения потребности в безопасности, следовательно, и окончательной деактуализации этой ценности. Более правдоподобной выглядит иная модель смены наиболее актуальных ценностей, не предполагающая устойчивого движения от базисных потребностей в материальных благах и безопасности к остальным. Можно предположить, что в конкретной исторической ситуации относительная значимость той или иной политической ценности зависит от сочетания ряда уникальных факторов. Так, например, социально-экономические кризисы на любом этапе развития общества разрушают в общественном сознании представления о гарантированной стабильности и надежности социальной жизни и тем самым способствуют актуализации ценности безопасности. Население, ощущая рост количества опасностей для себя, склонно поддерживать тех политиков, которые обещают навести порядок в стране, даже если это предполагает ограничение некоторых гражданских свобод. Кажущаяся многим философам иррациональной склонность масс к «бегству от свободы» объясняется вполне рационально: прагматически настроенное большинство не враждебно свободе, но потребность в безопасности носит более фундаментальный характер; так что в ситуации кризиса ограниченные ресурсы скорее будут

направлены на удовлетворение этой базисной потребности.

Иными словами, наиболее актуальной ценностью в любой период времени является та политическая ценность, потребность в которой удовлетворена в данный период времени в наименьшей степени. Если господствующая элита не способна обеспечить удовлетворение наиболее актуальных в данный момент потребностей, то происходит смена режима. Это может быть проиллюстрировано на примере истории нашей страны. Советский режим в достаточной мере удовлетворял потребности населения в безопасности, но не обеспечивал ожидаемого уровня материального благосостояния (для широких масс) и свободы (для интеллигенции), что стало основанием для роста антисистемных настроений. Последовавшие за рыночными реформами экономический кризис, военные конфликты, рост безработицы и преступности вновь резко актуализировали ценность безопасности, поэтому ближе к концу 1990-х гг. лозунги «твердой руки», «наведения порядка», «сильного государства» стали наиболее популярны.

Впрочем, этот пример актуализации ценности безопасности касается лишь отдельной страны в определенное время. Возникает вопрос – может ли произойти более масштабная актуализация потребности в безопасности, т. е. такая, которая охватит значительную часть современных обществ и будет сохраняться достаточно длительное время? Для такого предположения есть основания. У. Бек и некоторые другие авторитетные исследователи говорят об обществе XXI в. как «обществе риска» [Бек, 2003]. И. Валлерстайн и многие другие авторы предсказывают масштабные социальные, технологические и экологические кризисы, которые произойдут в текущем веке [Валлерстайн, 2001; 2003]. Если эти прогнозы верны, то вновь возникнет актуальность ценности безопасности, что повлияет на рост консервативных элементов в идеологии и общественном сознании. Как XX в. был веком борьбы за свободу и равенство, что привело на Западе к установлению социал-

либерального консенсуса, так XXI в. может стать веком «безопасности».

До сих пор актуализация ценности безопасности обычно способствовала установлению авторитарных режимов. Поскольку основным институтом, обеспечивающим безопасность граждан, является государство, то удовлетворение потребности в безопасности происходит, как правило, за счет усиления контроля государства над гражданами. Тем не менее сценарий повсеместного усиления этатизма вовсе не является неизбежным. Во-первых, можно ожидать, что потребность в безопасности не перевесит в общественном сознании потребность в свободе. Во-вторых, потребность в безопасности способна удовлетворить не только государственные органы, но и институты общественного самоуправления. Валлерстайн предполагает, что в XXI в. произойдет не усиление, а ослабление государственных структур (с этим его положением согласуются и выводы, полученные концепцией глобализации [Диев, Трубицын, 2006]), поэтому, возможно, функция удовлетворения общественных потребностей в безопасности частично перейдет к структурам гражданского общества.

Список литературы

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 384 с.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. 368 с.

Диев В. С., Трубицын О. К. Многомерный вектор глобализации: Учеб. пособие. Новосибирск, 2006. 62 с.

Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.

Розов Н. С. Структура социальной онтологии: по пути к синтезу макроисторических парадигм // Вопр. философии. 1999. № 2. С. 3–22.

Материал поступил в редколлегию 19.05.2008

О. К. Trubitzyn

The Axiological Importance of Safety in Modern Political Culture

Clause is devoted to the analysis of mutual relation between political values, first of all to a place and value of value of safety. In clause senses of concepts of safety and the order, the basis for their importance in political culture are considered. It is analyzed axiological the importance of safety within the limits of different ideologies, and also historical tendencies of its change, prospect of its actualization in a current century.

Keywords: safety; the order; political values; political culture.